

«ПАДАЛЬ ПОЛОВОГО ВОПРОСА»: ОТЗВУКИ НАШУМЕВШИХ ДИСКУССИЙ НА СТРАНИЦАХ ВИТЕБСКИХ ГАЗЕТ 1920-х ГОДОВ

Яковлева Г.Н. (г. Витебск, Беларусь)

Длительное время такие произведения, как «Без черемухи» П. Романова, «Содружество» И. Рудина, «Собачий переулочек» Л. Гумилевского, «Луна с правой стороны» С. Малашкина, были словно бы вычеркнуты из истории советской литературы, их обходили вниманием, а если уж и упоминались эти некогда сенсационные произведения, то с непременным разъяснением ошибочности идеологической позиции авторов, занимающихся изучением «падали полового вопроса». А между тем без «Собачьего переулочка» и «Луны с правой стороны» трудно представить как историю советской литературы 1920 – 1930-х годов, так и социальную историю Советской России первых послереволюционных десятилетий [1].

Рассмотрим, как дискуссии об этих произведениях проявились на страницах газеты «Заря Запада», сохранившихся в Государственном архиве Витебской области. Газета, с одной стороны, сыграла важную роль в пропаганде безрелигиозного советского быта, транслировала товарищеские отношения между полами, а с другой стороны, на ее страницах запечатлелись многочисленные примеры того опрощения нравов, которое охватило советское общество в послереволюционный период. Сохранила она для нас и споры о знаковых литературных произведениях тех лет. В местной печати наибольшие споры вызвали произведения П. Романова и С. Малашкина.

Нашумевший рассказ П. С. Романова (1884-1938) «Без черемухи» (1926) вызвал острую полемику в молодежной среде. По мнению А. М. Пушкарева, «метафорическое его название быстро стало нарицательным – как синоним грязных, пошлых, невозвышенных эмоциональных отношений, тех самых, против которых протестовала героиня рассказа («Без черемухи не можешь?» – «Нет, могу. Но с черемухой лучше, чем без черемухи»). Написанный от лица молодой девушки, признающей в своем первом сексуальном опыте, рассказ ставил задачу отобразить существовавшие в то время – и названные позже «эксцессами полового анархизма и упрощенчества в молодежной среде» – отношения между полами и художественно-заостренно представить нормы и практику половой морали» [7].

Знакомы были с дискуссиями «о черемухе» и на региональном уровне. «Заря Запада» сначала сообщила о том, что 30 января 1927 г. юношеской секцией Дома просвещения организуется литературный суд по произведению Пантелеймона Романова «Без черемухи» и пригласила на него членов партийной и комсомольской ячейки, членов профсоюза работников просвещения. Сообщалось, что председателем суда назначена тов. Метлина, а основными оппонентами – тт. Рубинштейн и Чернецкий. Через несколько дней в рубрике «За здоровую молодежь» появились две заметки: «С черемухой или без нее?» и «Без черемухи», посвященные состоявшемуся суду. Авторы излагали взгляды основных оппонентов в ходе суда на рассказ Романова и поднятые им вопросы двух, а также свои размышления по этому поводу. Один из оппонентов Чернецкий посчитал рассказ Романова клеветой на студенческую молодежь, произведением ненужным, не отражавшим типичное и характерное в студенческой среде. Не согласился он и с тем, как показан студенческий быт (грязь, нечистоплотность, небрежность). Главную героиню, утверждавшую, что среди студентов нет любви, а есть половые отношения, и желавшую любви с черемухой, обозвал мещанкой, «воспитанницей нежной мамочки», не имевшей твердой опоры в современности. Она – мещанка, поклонница поцелуев и «нежной скотской любви (?)». По его мнению, если допустить (?), что такой «герой есть, то он – запутавшийся интеллигент, прогнившая личность, жеребец, не заслуживающий нашего внимания». Мнение второго оппонента было противоположным. Он отметил, что Романов хотел показать «наш быт и его изъяны», которые действительно есть. Есть некультурность, распущенность, безответственность, хулиганство. Об этом писали комсомолки в «Комсомольской правде». О недостатках говорят, чтобы их исправлять, а не впадать в пессимизм. Не согласился он и с тем, что «желание черемухи» – это мещанство. В черемухе ничего опасного нет. Мы вполне понимаем студентку, которая тянется к хорошему, светлому, приятному. «Пьянство, хулиганство, половые извращения не способствуют пролетарской революции, поэтому это безнравственно». По мнению Рубинштейна, П. Романов устами героини хотел протестовать против есенинских типов, против неряшливости, против животной любви. Но он просмотрел светлую сторону нашей жизни.

Авторы заметок отметили, что в ходе суда было много выступавших, но суд так и не вынес приговора. Вопрос «С черемухой или без?» остался без ответа. Что же надо было судить: П. Романова за клевету, героев повести за поведение или судить факты общественной значимости? Как понимать мещанство? [2, л. 46 об., 54 об.].

Еще через несколько дней в газете появилась статья «Против “упрощенцев” и “вырожденцев”» (В дискуссионном порядке) автора под псевдонимом Рупор, который посчитал, что надо на вопрос “о черемухе” дать ясный и полный ответ. Упрекая одного из участников суда в игнорировании очевидного, автор вспомнил и «десятикратные и двадцатикратные связи с загсом и без», тысячи аборт, муки тысяч женщин-алиментщиц, растущий сифилис и «десятки тысяч детей, родившихся без черемухи, брошенных и завшивленных». Упрощенчество в виде низведения любви к половому акту уничтожает любовь, в результате «пресыщение, отвращение, а в случае частой практики – и размягчение мозга или прогрессивный паралич». «Черемуха – это совсем не мещанская герань, цветочки, вздохи и ахи. Черемуха – это человеческое отношение к любимому существу, нежное,

бережное, чуткое». Выражается оно по-разному, но решительно исключает взгляд на женщину, как на постельную принадлежность. Убежденный, что в коммунистическом обществе «любовь даст такую глубину и такой остроты счастья, о которой мы даже не способны иметь представление», Рупор утверждал, что она точно не будет «беспорядочной, случайной, жеребьей». Вывод автора был категоричен: любовь будет моногамной, но не лицемерной буржуазной, любовь только с черемухой, без сифилиса, без полного телесного и душевного развала. Другого выбора нет! [2, л. 61 об.].

Рупор, таким образом, в своей статье внес ясность в «вопрос о черемухе» совсем в духе новых партийных установок. А они ясно свидетельствовали о курсе партии на укрепление семьи и её ориентацию на ответственность за родившихся детей, на борьбу против предыдущих теорий о свободной любви, «стакане воды» и т.д. Государство не справлялось с провозглашенными ранее планами взять на себя заботу об общественном воспитании и содержании детей. На эту тему начинают высказываться видные члены партии и правительства, чье мнение тут же начинают перепечатывать газеты на местах. «Заря Запада» на своих страницах разместила несколько статей наркома просвещения А. В. Луначарского и наркома здравоохранения Н.А. Семашко, направленных против «гримас» нового быта. Н.А. Семашко писал, что брак в стране «не насильственный и лицемерный, а свободный», но «свободу брака» неустойчивые элементы поняли, как свободу разврата и постоянной смены жен. Женщина стала «страдающей стороной в семейных неурядицах», а дети часто остаются без воспитания и надзора родителей. Эти «гримасы нового быта», эти отрицательные стороны переходного периода должны быть изжиты [3, л. 127]. Автор «Зари Запада», скрывшийся под инициалами М.К., транслируя новые установки власти, пересказывает лекцию Луначарского о быте и семье. И вслед за ним называет разрушителем, «бытовым контрреволюционером» всякого, кто «порхает с цветка на цветок», не заботясь о последствиях [3, л. 166]. Луначарский не только призывал к общей ответственности за содержание и воспитание детей пусть даже и разведенных родителей. «Отцом и матерью быть легче, чем воспитывать ребенка – воспитание дело сложное, и вместо семейного кустарничества мы должны организовать правильно поставленный дом младенца, правильно поставленный детский сад, правильно поставленное общественное образование. Но мы только постепенно придем к этому, а пока нам придется исходить из тех ресурсов, какими мы располагаем», – писал он [5].

Дискуссия имела продолжение. Теперь объектом критики стал С. Малашкин и его «Луна с правой стороны». «Персонажи повести были выведены С. Малашкиным сторонниками безудержного разврата, приукрашенного притягательными революционными лозунгами ивозглавляемого «идеологом» (тут педалировалась еще и национальная тема) – неким Исайкой Чужачком, с гордостью называвшим себя «маленьким Троцким из Полтавы» [7]. Действительно, со страниц повести перед нами предстают беспорядочные половые связи, вино, анаша, «афинские ночи» в студенческой среде, разочарованность главной героини (Тани Аристарховой) в жизни, которая «прошумела и ушла» [6 с. 185]. «Теперь все комсомолки курят, плюются через колено не хуже мужчин, обрезают волосы, ругаются и даже, чтобы не отстать от мужчин, стараются ходить... и тоже по-мужски», – говорит она о своей среде [6, с. 191].

В апреле 1927 г. «Заря Запада» сообщила о состоявшемся диспуте по произведению С. И. Малашкина (1888-1988) «Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь». Оно отражало жизнь и быт студенческой молодежи того времени. «Вопрос об упадочности нашей современной молодежи и ненормальных половых отношений между мужчиной и женщиной вызывает у нас частые споры и является у нас большим и острым вопросом нашего быта», – написал автор «Зари Запада» Л. Южин и этим объяснил такое большое число молодежи, пришедшей на диспут. Задавая тон диспуту, выступил с докладом т. Бенде, резко осудивший произведение Малашкина как «попытку неверную, исковерканную и фальшивую» отразить жизнь студенчества. В своих выступлениях и многие студенты осудили автора за незнание жизни, клевету на молодежь и смешивание ее с грязью. Лев Южин кратко пересказал сюжет. Дочь деревенского кулака Таня Аристархова стала закаленной защитницей ленинского дела, поехала учиться в Москву в Коммунистический университет имени Я.М. Свердлова. Попав там в омут разврата, она докатывается до 23-го мужа, капитулирует перед жизнью и покушается на самоубийство. Л. Южин в своих оценках произведения особое внимание обратил на внешний вид героев Малашкина. Действительно, главный идеолог новой свободной любви Исайка Чужачок одет «не только хорошо, но изысканно». Автор повести его подчеркнуто не очень приятный внешний вид дополнил «изысканными» атрибутами: серый костюмчик в клеточку, белая в синюю полоску рубашка, широченный желтый ремень, замшевые остроносые полуботинки и серые в крупно-белую клеточку носки. А девушки щеголяли на вечеринке в газовых платьях, надетых на голое тело, что так возмущало положительного героя рассказа по имени Петр. «Надо куриная слепота, чтобы изобразить студентов Свердловского университета «в желтых ботинках, английских костюмчиках, а девушек – в газовых платьях. Это ли не абсурд? Нелепость?», – возмущался Л. Южин [2, л. 190 об.].

Отзвуки споров и борьбы мнений проявились и осенью 1927 г., когда М. Левина в стихотворении «О черемухе», опубликованном в «Заре Запада», писала: «Много споров, всяк по своему // Этот понимает запах. // Что так дорого бывает одному, // То другой срывает лапой». Однозначно поддержав вариант с черемухой, она в конце стихотворения задавалась вопросом: «Но почему-ж строительные дни // Черемухой не освежить?» [4, л. 51]. А в клубе «Профинтерн» в декабре того же года был организован литературный диспут на тему «Тип женщины в современной художественной литературе» [4, л. 306 об.]. Проблема, вынесенная для обсуждения, была такова, что, безусловно, не могла не затронуть вышеупомянутых произведений.

Таким образом, «половой вопрос», так активно обсуждавшийся комсомольцами 1920-х гг., был известен и местной молодежи. Партийные руководители Витебщины задавали тон в восприятии и оценках проблем взаимоотношения полов в коммунистической среде. Газета играла важную роль в трансляции новых установок власти на этот щепетильный вопрос. И сохранила для нас множество примеров удивительной открытости того времени для обсуждения вопросов, скоро ставших табу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беззубцев-Кондаков, А. Без черемухи [Электронный ресурс] / А. Беззубцев-Кондаков // Урал. – 2006. – № 6. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/ural/2006/6/bez-cheremuhi.htm> – Дата доступа: 26.08.2019.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 110.
3. ГАВт. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 106 б.
4. ГАВт. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 110а.
5. Луначарский, А. О быте [Электронный ресурс] / А. Луначарский – Ленинград, Гослитиздат, 1927. – Режим доступа: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/lunacharskiy-o-byte/lunacharskiy-o-byte.html>. – Дата доступа: 07.06.2018.
6. Малашкин С. Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь / С. Малашкин // Маруся отравилась: секс и смерть в 1920-е : антология / Сост. Дмитрий Быков. – Москва : Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. – С. 181-236.
7. Пушкарев, А. М. Из «Тьмы» приватности на «свет» публичности (сексуальная этика в дискурсе художественной литературы и критики 1920-х гг.) [Электронный ресурс] / А. М. Пушкарев // Женщина в российском обществе. – 2006. – №4. – С. 64-75. – Режим доступа: <https://womaninrussiansociety.ru/article/pushkarev-a-m-iz-tmy-privatnosti> – Дата доступа: 25.08.2019.

БЫТАВОЕ АБСЛУГОЎВАННЕ СТАХАНАЎЦАЎ БССР (1935–1941 ГГ.)

Субоцін А.А. (г. Віцебск, Беларусь)

Стаханаўскі рух, які разгарнуўся ў БССР з 1935 г. паўплываў не толькі на павышэнне прадукцыйнасці працы, але на паляпшэнне матэрыяльна-бытавога становішча працоўных рэспублікі. Адным з кірункаў дзяржаўнай палітыкі становіцца прыярытэтнае бытавое абслугоўванне ўдзельнікаў стаханаўскага руху з мэтай далейшага стымулявання іх працоўнай актыўнасці.

Па прычыне захавання нарміравання прамысловых тавараў да 1 студзеня 1936 г. стаханаўцам часта пры наяўнасці вялікіх сум грошай не ўдавалася купіць усе неабходныя рэчы. На такую праблему ўказваюць, напрыклад, апытанні ЦК КП(б)Б, зробленыя сярод стаханаўцаў БССР у снежні 1935 г. Згодна з гэтымі апытаннямі, у Гомелі стаханавец Ляошка меў праблемы з набыццём сваёй жонцы паліто і бялізны, а стаханавец Бекнераў скардзіўся на адсутнасць у продажы дзіцячага абутку. Сярод 25 апытаных стаханаўцаў Магілёва 15 чалавек не маглі купіць сабе адзенне, абутак і бялізну [7, арк. 50]. Сітуацыя не змянілася і пасля адмены нарміравання, калі дэфіцыт прамысловых тавараў паранейшаму захоўваўся. Так, стаханаўцы торфазавода «Асінторф» у студзені 1936 г. скардзіліся ў прафсаюзную арганізацыю на кепскую працу аддзела рабочага забеспячэння. Адзін з перадавікоў заявіў: «Грошы ёсць, а купіць няма чаго» [11, арк. 30]. Ад стаханаўцаў шклозавода «Ільч» (Быхаўскі раён) у сакавіку 1936 г. у рэдакцыю газеты «Рабочий» паступіў ліст наступнага зместу: «На заводзе адных штатных рабочых 500 чалавек, из них 250 стахановцев. Рабочих завода обслуживает лавка сельпо, но в ней почти никогда не бывает необходимых товаров... Промтоваров же здесь в продаже совершенно не бывает» [4, с. 3].

Цяжкасці, звязаныя з немагчымасцю стаханаўцаў купляць дэфіцытныя тавары, звычайна вырашаліся за кошт выдзялення гэтых тавараў у якасці прэміі, што таксама з'яўляліся матэрыяльным стымулам да захавання ўзятых тэмпаў вытворчасці. Напрыклад, стаханавец І. Трацэўскі за выдатную працу быў прэміраваны ад кіраўніцтва свайго прадпрыемства ў студзені 1936 г. касцюмам коштам у 200 рублёў, пазней, у лютым 1936 г. Беларускае галоўнае ўпраўленне спіртавой, крухмальнай і лікёра-гарэлачнай прамысловасці прэміравала яго патэфонам з пласцінкамі на суму 400 рублёў [18, с. 30]. У час правядзення стаханаўскай пяцідзёнкі ў студзені 1936 г. на торфазаводзе «Асінторф» па рашэнні адміністрацыі былі прэміраваны найлепшыя стаханаўцы-канаўшчыкі: Сімчанка – радыёпрыёмнікам і патэфонам, брыгадзір Калеснікаў – крэсламі, шафай і сталом [11, арк. 29].

Важным стымуляванне стаханаўскага руху за кошт выдачы прамысловых тавараў з'яўлялася на вёсцы. Тут праблема з іх пастаўкай у гандлёвыя кропкі стаяла больш востра, чым у горадзе, больш таго, стаханаўцы сельскай гаспадаркі не мелі такіх вялікіх грашовых сродкаў для іх набыцця, як стаханаўцы прамысловасці. Таму амаль кожны стаханавец калгаса ці саўгаса ў якасці прэміі атрымліваў рознага роду рэчы, неабходныя ў побыце. Падчас правядзення акруговага злёту стаханаўцаў земляробства Полаччыны 4–6 студзеня 1936 г. усе найлепшыя перадавікі атрымалі прэміі ў выглядзе прамысловых тавараў. Напрыклад, стаханаўка А. Гензелева была прэміравана швейнай машынкай, стаханавец І. Яронька – мужчынскім касцюмам, А. Яфімаў – мужчынскай кашуляй і джэмперам, А. Сямашка – сукенкай і джэмперам [5, арк. 264–265].

Для падтрымкі якасных умоў жыцця стаханаўцаў як працоўнай эліты і далейшага стымулявання вытворчага энтузіязму дзяржава актыўна прадастаўляла гэтай катэгорыі перадавікоў разнастайныя прывілеі ў матэрыяльна-бытавым забеспячэнні. У прыватнасці, для стаханаўцаў быў усталяваны прыярытэтны доступ да тавараў і